

го уже не смогла оправиться; грубый индивидуализм и упорный труд сотворили чудеса для тех людей, которым, как сказал кто-то, Бог в своей беспредельной мудрости дал контроль над обществом. Но они не дали того же самого всем другим, и теперь они, наравне с интеллектуалами, предельно ясно осознали этот факт.

Короче говоря, почва была расчищена, и хотя консервативное мнение, навлекшее на себя огонь мятежников, казалось незыблемым, основной настрой страны настолько повернулся в другом направлении, что акцент на социальном стал господствующим течением в американской мысли. В великом взрыве любопытства люди были очарованы открытием всех тех окружающих индивида давлений, которые отрицались прежними философиями. Подобно открытиям Фрейда, открытия, делаемые в таких исследованиях, были поначалу глубоко разочаровывающими, однако американцы с присущей им жизнерадостностью нашли-таки радугу. Человек мог, в конце концов, не поддаваться улучшению, но была еще другая мечта, которая показалась наконец практичной: улучшение общества.

Перевод В.Г. Николаева

Ю. ХАБЕРМАС

ТЕОРИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ (ФРАГМЕНТЫ)

**Предварительное размышление:
понятие рациональности в социологии***

Рациональность суждений и действий является тем предметом, которым традиционно занимается философия. Можно даже сказать, что философское мышление проистекает из рефлексивного становления (Reflexivwerden) разума, воплощенного в познании, в речи (Sprechen) и действии. Основным предметом философии является разум¹. Начиная со своих истоков, философия трудится над тем, чтобы объяснить мир в целом, единство многообразных явлений с помощью принципов, которые должны быть открыты посредством разума — а не в коммуникации с потусторонней божественной сущностью, и даже не благодаря обращению к космосу как объемлющей природу и общество основе. Греческое мышление нацелено не на теологию, не на этическую космологию в значении великих мировых религий, а на онтологию. Если существует нечто общее для всех философских учений, то это стремление осмысливать бытие или единство мира на пути экспликации опыта разума, нацеленного на самого себя.

Когда я так говорю, я пользуюсь языком философии Нового времени. Но философская традиция, поскольку она говорит о возможности философской картины мира, оказалась под вопросом². Философия сегодня более не может относиться к целостности мира, природы, исто-

Юрген Хабермас (р. 1929) — известный немецкий философ и социолог. Автор ряда работ в области теории и методологии социальных наук.

* Перевод сделан по изданию: *Jürgen Habermas. Theorie des kommunikativen Handelns*. 3. Auflage. Frankfurt am Main, 1985. Bd.1. S. 15-34.

¹ *Snell B. Die Entdeckung des Geistes*. Hbg. 1946; *Gadamer H.G. Platon und die Vorsokratiker*// *Kleine Schriften III*, Tbg. 1972, 14 ff // Он же. *Mythos und Vernunft*, in: *Kleine Schriften IV*, Tbg. 1977, 48 ff.; *Schadewaldt W. Die Anfänge der Philosophie bei den Griechen*; Ffm. 1978.

² *Habermas J. Wozu noch Philosophie?* // Он же., *Philosophisch-politische Profile*, Ffm. 1981. 15 ff.

рии, общества в духе всеобъемлющего (totalisierenden) знания. Теоретические суррогаты картин мира были обесценены не только благодаря фактическому прогрессу эмпирических наук, но и, более того, еще и благодаря рефлексивному сознанию, которое сопровождало этот прогресс. В связи с этим сознанием философское мышление самокритично отступает; благодаря вопросу, чего бы оно могло достигнуть со своей рефлексивной компетенцией в рамках научных конвенций, оно превращается в метафилософию³. Предмет при этом изменяется, но все же остается тем же самым. Там, где в современной философии вокруг более прочного предметного ядра развернута более логичная (kohärentere) аргументация, будь то в логике или в теории науки, в теории языка и значения, в этике и теории действия, даже в эстетике, там интерес обращается к формальным условиям рациональности познания, языкового взаимопонимания и действия в повседневности или на уровне методически организованного опыта или систематически организованного дискурса. Особое значение получает при этом теория аргументации, поскольку перед ней стоит задача реконструировать формально-прагматические предпосылки и условия эксплицитно-рационального поведения.

Если этот диагноз не задает ошибочного направления; если верно то, что философия в своих постметафизических, послегегелевских течениях стремится к пункту конвергенции, которым является *теория рациональности*, то как тогда социология может быть вправе отнести компетентность к проблематике рациональности?

По-видимому, философское мышление, которое отказывается от позиции тотальности (Totalitätsbezug), теряет также и удовлетворенность собою. С целью формального анализа условий рациональности нельзя связать ни онтологические надежды на материально содержательные теории природы, истории, общества и т.д., ни трансцендентально-философские надежды на априорную реконструкцию неэмпирического родового субъекта, сознания вообще. Все попытки окончательного обоснования (Letztbegründung), в которых продолжают существовать интенции философии происхождения (Ursprungsphilosophie), расшатаны⁴. В

³ Rorty R. (Ed.). The Linguistic Turn, Chicago 1964; он же. Philosophy and the Mirror of Nature, N.Y., 1979 (на немецком – Ffm, 1981).

⁴ Для критики философии происхождения сравни: Adorno Th.W. Metakritik der Erkenntnistheorie // Ges. Schr. Bd. 5 Ffm. 1971; противоположная позиция: Apel K.O. Das Problem der philosophischen Letztbegründung im Lichte einer transzendentalen Sprachpragmatik // Kanitschneider B. (Hrsg.). Sprache und Erkenntnis, Innsbr. 1976. 55 ff.

этой ситуации в отношениях между философией и науками возникает новая ситуация. Как показывают примеры теории науки и истории науки, формальная экспликация условий рациональности и эмпирический анализ осуществления и исторического развития структур рациональности своеобразно связаны друг с другом. Теории современных опытных наук, придерживаются ли они позиции логического эмпиризма, критического рационализма или методического конструктивизма, выдвигают нормативное и одновременно универсалистское требование, которое не удовлетворяется более фундаменталистской онтологической или трансцендентально-философской предпосылкой. Это требование может быть проверено только на очевидных примерах противоположного характера и, в конце концов, основано на доказательстве способности реконструктивной теории тщательно исследовать (herauszupräparieren) внутренние аспекты истории науки и в связи с эмпирическим анализом систематически объяснить в контексте развития общества фактическую, нарративно изложенную историю науки⁵. То, что имеет значение для комплексной картины когнитивной рациональности, как и для современной науки, касается также и других форм объективного духа, то есть воплощений когнитивной и инструментальной или морально-практической, возможно даже, и эстетико-практической рациональности.

Конечно, эмпирически ориентированные исследования этого рода должны в своих основных понятиях быть построены так, чтобы они могли быть присоединены к рациональным конструкциям смысловых связей и решений проблем⁶. Когнитивная психология развития является примером этого рода. В традициях Пиаже концептуализируется, например, как когнитивное в более узком смысле, так и социально-когнитивное и моральное развитие как внутреннее, создаваемое по образцу (nachkonstruierbare) следствие ступеней компетентности⁷. Если, напротив, как в теории поведения, требования значимости (Geltungsansprüche), к которым привязаны решения проблем, рацио-

⁵ Сравните дискуссию по поводу книги: Kuhn Th. Die Struktur wissenschaftlicher Revolutionen, Ffm. 1967, прежде всего, Lakatos I., Musgrave A. Criticism and the Growth of Knowledge, Cambr. 1970; Diederich W. (Hrsg.) Beiträge zur diachronischen Wissenschaftstheorie, Ffm. 1974; Bubner R. Dialektischen Elemente einer Forschungslogik.

⁶ Oevermann U. Programmatistische Überlegungen zu einer Theorie der Bildungsprozesse und einer Strategie der Sozialisationsforschung // K. Hurrelman, Sozialisation und Lebenslauf, Hbg. 1976. 34 ff.

⁷ Döbert R., Habermas J. G. Nunner-Winkler (Hrsg.), Entwicklung des Ichs, 1977.

нальные ориентации действия, уровни научения и т.д., эмпирически перетолковываются и переопределяются, то процессы воплощения структур рациональности могут интерпретироваться не в узком смысле — как процессы обучения, а, по крайней мере, как возрастание способности адаптации.

Среди социальных наук только социология является ныне той областью знания, которая в своих основных понятиях ближе всех подходит к проблематике рациональности. Это имеет, как показывает сравнение с другими дисциплинами, историко-научные и предметные основания. Рассмотрим вначале *политическую науку*. Она должна была эмансипироваться от рационального естественного права. Современное (*moderne*) естественное право еще исходило из староевропейского взгляда, в соответствии с которым общество изображалось как политически конституированная и интегрированная, помимо правовых норм, общность (*Gemeinwesen*). Новые концепции буржуазного формального права предоставляли, конечно, возможность действовать конструктивно и проектировать политико-правовой порядок при наличии нормативных точек зрения как рациональный механизм⁸. Исходя из этого, политическая наука должна была радикально освободиться от эмпирической направленности. Она занимается политикой как частной системой общества и освобождает себя от задачи понять общество в целом. В противоположность естественно-правовому нормативизму она исключает из научного рассмотрения морально-практические вопросы легитимности или рассматривает их как эмпирические вопросы дескриптивно понимаемой *веры* в легитимность. Тем самым она разрушает мосты, ведущие к проблематике рациональности.

По-другому обстоит дело с *политической экономией*, которая в XVIII веке вступила в конкуренцию с рациональным естественным правом и разрабатывала самостоятельность системы действия, являвшейся единой в своих функциях, но не в нормах в первую очередь⁹. Как политическая экономия наука о хозяйстве (*Wirtschaftswissenschaft*) вначале еще придерживалась кризисно-теоретического отношения к

⁸ Hennis W. Politik und praktische Philosophie, Neuwied 1963; Maier H. Die ältere deutsche Staats- und Verwaltungslehre, Neuwied 1966; Habermas J. Die klassische Lehre von der Politik in ihrem Verhältnis zur Sozialphilosophie in: ders. Theorie und Praxis. Ffm., 1971. 48 ff.

⁹ Jonas F. Was heisst ökonomische Theorie? Vorklassisches und klassisches Denken, in: Schmolders Jb. 78, 1958; Neuendorff H. Der Begriff des Interesses. Ffm., 1973.

обществу в целом. Она интересовалась вопросом, как динамика хозяйственной системы воздействовала на те порядки (*Ordnungen*), которые интегрировали общество посредством норм. От этого вопроса отказалась экономия, ставшая специальной наукой. Она сегодня также занимается хозяйством как частной системой общества и освобождает себя от вопросов о легитимности. Проблема рациональности может ее вырвать из этой перспективы рассмотрения частных проблем (*Teilperspektive*) и обратить к размышлениям об экономическом равновесии и вопросам рационального выбора.

В противоположность этому социология возникла как дисциплина, занимавшаяся тем, от чего отстранились политика и экономическая наука на своем пути превращения в специальные науки¹⁰. Ее предмет — изменения социальной интеграции, которые были вызваны в структуре староевропейских обществ при помощи возникновения современной системы государств и посредством выделения (*Ausdifferenzierung*) регулируемой рынком хозяйственной системы. Социология стала *par excellence* наукой о кризисных состояниях (*Krisenwissenschaft*), которая занимается прежде всего аномическими аспектами разложения традиционной и развития современной общественной системы¹¹. И при этих исходных условиях социология могла бы, конечно, ограничиться единственной подсистемой. Рассматривая вопрос с точки зрения истории науки, социология религии и социология права образуют ядро новой дисциплины. Если я в целях иллюстрации, то есть преимущественно без дальнейших разъяснений, воспользуюсь предложенной Парсонсом схемой функций, то легко установить следующее соответствие между *социально-научными дисциплинами и подсистемами общества* (см. схему).

Конечно, стремление сделать социологию специальной наукой, занимающейся социальной интеграцией, существует. Но не является случайностью, а служит, более того, даже симптомом то, что выдающиеся теоретики общества, которых я буду рассматривать выше, изначально были социологами. Социология единственная из социально-научных дисциплин сохранила рассмотрение проблем общества в целом. Она всегда оставалась *также* теорией общества и оттого не

¹⁰ Jonas F. Geschichte der Soziologie, Bd. I-IV, Reinbek 1968-69; Friedrichs R.W. A Sociology. N.Y., 1970; Bottomore T. R. Nisbet. A History of Sociological Analysis. N.Y., 1978.

¹¹ Habermas T. Kritische und konservative Aufgaben der Soziologie, in: ders. (1971). 290 ff.

	A		G	
Политическая экономика	Хозяйство	Политика		Политическая наука
Культурная антропология	Культура	Социальная общность		Социология
	L		I	

отказывалась от вопросов о рационализации, не переопределяла их и не обращалась к проблемам меньшего масштаба, как это делали другие дисциплины. Я вижу две причины, приведшие к этому обстоятельству. Первая из них касается в равной мере *культурной антропологии* и социологии.

Соответствие основных функций общественным подсистемам маскирует то обстоятельство, что социальные интеракции в сферах, которые важны в аспектах культурного воспроизводства, социальной интеграции и социализации, ни в коем случае не специализированы тем же способом, что и интеракции в таких сферах действия, как экономика и политика. Как социология, так и культурная антропология вступают в противоречие с *целым спектром* явлений социального действия, но не с относительно ясно очерченными (klargeschnittenen) типами действия, которые в отношении проблемы максимизации прибыли или заработка (des Erwerbs) или использования политической власти могут быть рассмотрены как разновидности целерационального действия. Обе эти дисциплины занимаются повседневной практикой в контексте жизненного мира и оттого должны рассматривать *все* формы символической ориентации действия. Для них не так просто отказаться от проблематики основ теории действия и интерпретации, нацеленной на понимание смысла. При этом они сталкиваются

со структурами жизненного мира, которые лежат в основе других, функционально более точно специфицированных и в определенной мере более четко дифференцированных частичных систем. Как относятся друг к другу парадигматические понятийные образования (Begrifflichkeiten) «жизненного мира» и «системы» — к этому мы еще вернемся¹². Здесь я хотел бы только подчеркнуть, что отделить друг от друга исследование социальной общности и исследование культуры не так просто, как исследование экономической и политической частных систем общества. Это объясняет жесткую (hartnäckig) связь социологии и теории общества.

Но то, чем сейчас является социология и не является культурная антропология, показывающая особую готовность обратиться к проблематике рациональности, становится понятным лишь при обращении к следующему обстоятельству. Социология возникает как теория буржуазного (bürgerlichen) общества; ей достается задача объяснить ход капиталистической модернизации¹³ добуржуазных обществ и сопутствующие ей аномические явления. Эта возникающая из объективной исторической ситуации постановка проблемы образует исходный пункт, опираясь на который социология разрабатывает свои основные проблемы (Grundlagenprobleme). На *метатеоретическом уровне* она выбирает такие основные понятия, которые отражают рост рациональности современного жизненного мира. Почти все без исключения социологи-классики стремились построить свои теории действия так, чтобы их категории касались важнейших аспектов перехода от «Gemeinschaft» к «Gesellschaft»¹⁴. А на *методологическом уровне* соответствующим способом рассматривается проблема понимающего подхода к объектной сфере символических предметов; понимание рациональных ориентаций действия становится исходным пунктом для понимания всех ориентаций действия.

Эта связь между (а) *метатеоретическим* вопросом о рамках теории действия, которые намечены по отношению к рациональным аспектам теории действия, (б) *методологическим* вопросом теории понимания смысла, который выясняет внутренние отношения между

¹² Смотрите ниже: Kap. VI. Bd.2. S. 173 и далее.

¹³ Neuendorf H. Artikel «Soziologie» in: Evangelische Staatslexikon. Stuttgart, 1975. 2. Aufl. 2424 ff.

¹⁴ К «парным понятиям» в истории социологии сравни: Habermas J. Technik und Wissenschaft als Ideologie, Ffm. 1968 a. 60 f.; Mills C. W. Kritik der soziologischen Denkweise, Neuwied 1963.

значением и значимостью (между экспликацией значения символического выражения и оценкой его имплицитных притязаний на значимость), связывается, наконец (с) с *эмпирическим* вопросом, может ли быть описана модернизация общества с точки зрения культурной и общественной рационализации и в каком именно смысле. Эта связь особенно отчетливо выражена в творчестве Макса Вебера. Его иерархия понятий действия замкнута на тип целерационального действия, так что все иные действия могут рассматриваться как специфические отклонения от этого типа. Вебер анализирует метод понимания смысла так, что более сложные случаи могут быть отнесены к пограничному случаю понимания целерационального действия: понимание субъективно ориентированного на успех действия требует одновременно его объективной оценки (в масштабах рациональности адекватности). Наконец, очевидна связь этих основополагающих понятийных и методологических различий с центральным вопросом теории Вебера: как можно объяснить западный рационализм?

Эта связь, конечно, могла бы быть условной (kontingent); она могла бы быть просто признаком того, что Макс Вебер был озабочен этой постановкой вопроса и что это, если подходить теоретически, проникло в основы теоретических построений прежде, чем случайные интересы. Необходимо только отделить процесс модернизации от понятия рационализации и рассмотреть его с *других* точек зрения, чтобы освободить, с одной стороны, основы теории действия от коннотаций, связанных с рациональностью действия, и, с другой стороны — методологию понимания смысла от проблематичного смешивания вопросов значения с вопросами значимости. Этим сомнениям я хотел бы возразить тезисом, что Макс Вебер рассматривает исторически, во всяком случае, с точки зрения психологии исследования, *случайный* вопрос о западном рационализме, вопрос о значении современности (Modernität) и об истоках и побочных следствиях развернувшейся вначале в Европе капиталистической модернизации общества в силу веских причин с точек зрения рационального действия, рационального образа жизни (Lebensführung) и рационализированных картин мира. Я хотел бы выдвинуть тезис, что связь именно трех тематик рациональности, которую можно выявить в его произведениях, опирается на систематические основания. Этим я хочу сказать, что для *всякой* социологии с притязаниями, касающимися области теории общества, если она действует достаточно радикально, проблема рациональ-

ности стоит одновременно на *метатеоретическом*, на *методологическом* и на *эмпирическом* уровнях.

Я начинаю с предварительного рассмотрения понятия рациональности (1) и ввожу это понятие в контекст эволюционной перспективы возникновения современного миропонимания (2). После этого предварения я хочу доказать наличие внутренней связи между теорией рациональности и теорией общества; с одной стороны, на метатеоретическом уровне, показывая упрощения рациональности в распространенных сегодня социологических понятиях действия (3), с другой стороны, на методологическом уровне, показывая, что подобные предположения (Implikationen) вытекают из понимающего (sinnverstehenden) подхода к сфере объектов социологии (4). Этот эскиз аргументации должен помочь нам в связи с тем, что нам, если мы хотим актуализировать проблемы общественной рационализации, повсеместно вытесненные после Вебера из профессиональных дискуссий социологов, нужна теория коммуникативного действия.

«Рациональность» — предварительное определение понятия

Всегда, когда мы используем выражение «рациональный», мы предполагаем тесную связь между рациональностью и знанием. Наше знание имеет пропозициональную структуру: мнения эксплицитно принимают форму высказываний. Это понятие знания я хочу использовать как предпосылку без последующего его разъяснения, потому что рациональность должна иметь дело в меньшей степени с фактом наличия знаний, чем с тем, как субъекты, владеющие языком и действующие, *приобретают и используют знание*. В языковых выражениях знание содержится эксплицитно, в целенаправленных действиях выражается в умении (Können), имплицитное знание; это know-how также может переведено принципиально в форму know-that¹⁵. Если мы будем искать грамматические субъекты, которые могли бы дополнить предикативное выражение «рациональный», то нам представятся в первую очередь два кандидата. Люди, которые владеют знанием, и символические выражения, языковые или не-языковые, коммуникативные или не-коммуникативные действия, которые воплощают знание, могут в большей или меньшей степени быть раци-

¹⁵ Ryle G. The Concept of Mind. London, 1949; сюда же: Savigny E. V. Die Philosophie der normalen Sprache, Ffm. 1974, 97 ff; D. Karr The Logic of Knowing how and Ability, Mind, 88, 1979. 394 ff.

ональными. Мы можем назвать рациональными мужчин и женщин, детей и подростков, министров и кондукторов автобусов, но не рыб или кусты сирени, горы, улицы или стулья. Мы можем назвать «иррациональными» такие явления, как извинения, опоздания, хирургические операции, объявления войны, ремонт, строительные планы или решения конференций, но не непогоду, несчастный случай, выигрыш в лото или заболевание. Но теперь — что означает то, что персоны действуют в определенной ситуации «рационально»; что значит то, что они могут рассматривать свои проявления (Ausserungen) как «рациональные»?

Знание можно подвергнуть критике как ненадежное. Тесная связь между знанием и рациональностью позволяет предполагать, что рациональность выражения зависит от надежности воплощенного в нем знания. Рассмотрим два парадигматических случая: утверждение, с которым А выражает в коммуникативном проекте (Absicht) определенное мнение, и целенаправленное вмешательство в мир, посредством которого В преследует определенную цель. Оба воплощают отсутствующее знание; оба являются попытками, которые могут завершиться неудачей. Оба проявления — и коммуникативное, и телеологическое действие — можно подвергнуть критике. Слушатель может оспорить то, что высказанное А утверждение *истинно*; наблюдатель может оспорить то, что выдвинутое В действие *успешно*. Критика относится в обоих случаях к притязанию, которое действующие субъекты необходимо связывают со своими проявлениями (Ausserungen), поскольку они как утверждения или как действия являются целенаправленными. Эта необходимость концептуальна по своей природе. А не выдвигает ровно никаких утверждений, если он не претендует своим высказыванием «р» на истинность и тем самым дает возможность показать свое убеждение, что его высказывание в случае необходимости можно *обосновать*. И В не осуществляет целенаправленного действия, т.е. он не стремится с его помощью достичь какой-либо цели, если не считает планируемое действие плодотворным (aussichtbar) и тем самым позволяет убедиться в том, что для данных обстоятельств выбор средства, который он осуществил, можно в случае необходимости *обосновать*.

Как А своим высказыванием претендует на истину, так и В претендует на успех своим планом действия или на эффективность (Wirksamkeit) своего правила действия, в соответствии с которым осу-

ществляется этот план. Эффективность означает притязание, заключающееся в том, что избранные средства соответствуют при данных обстоятельствах задаче достижения данной цели. Эффективность действия находится во внутреннем отношении к истинности прогнозов, которые предполагаются планом действия или правилами действия. Как «истина» относится к существующему в мире положению дел, так «действенность» — к воздействиям (Eingriffe) на мир, с помощью которых можно породить существующее положение дел. Благодаря своему утверждению А вступает в отношение к чему-то, что фактически *существует* в объективном мире, благодаря своей целенаправленной деятельности В вступает к чему-то в отношении, которое *должно существовать* в объективном мире. Делая это, они оба своими символическими проявлениями выдвигают *притязания*, которые могут быть подвергнуты критике и защите, то есть могут быть *обоснованы*. Рациональность их проявлений сопоставляется с внутренними отношениями между содержательным значением, условиями действенности и основаниями, которые в случае необходимости могут быть приведены для обоснования их действенности, истинности высказывания или эффективности правила действия.

Прежние размышления на эту тему сводятся к тому, чтобы свести рациональность проявления к критикуемости и способности обоснования. Проявление создает предпосылки для рациональности, если и поскольку оно воплощает отсутствующее знание, тем самым вступает в отношение к объективному миру, т.е. в фактическое отношение, и тем самым делается возможным объективное обсуждение. Объективно обсуждение может быть наличным только тогда, когда оно осуществляется при помощи *трансубъективного* притязания на значимость, которое для любого наблюдателя и адресата имеет то же самое значение, что и для действующего субъекта. Истина и эффективность являются притязаниями такого рода. Так, для утверждений и для целенаправленных действий характерно то, что они тем рациональнее, чем лучше могут быть обоснованы связанные с ними притязания на истину или эффективность. Соответственно этому мы используем выражение «рациональный» как характеристику личностей, со стороны которых можно ожидать таких проявлений (Ausserungen), особенно в трудных ситуациях.

У предложения свести рациональность проявления к его критикуемости имеются, безусловно, две слабости. Эта характерис-

тика, с одной стороны, слишком абстрактна, потому что она не выражает важные различия (1). С другой стороны, она к тому же слишком узка, поскольку мы используем выражение «рациональный» не только в связи с явлениями, которые могут быть истинными или ложными, эффективными или недействительными. Присущая коммуникативной практике рациональность охватывает более широкий спектр явлений. Она указывает на различные формы аргументации как равновеликие возможности продолжить коммуникативное действие при помощи рефлексивных средств (2). Так как идея дискурсивного обоснования притязаний на значимость имеет центральное место в теории коммуникативного действия, то я сделаю более пространственный экскурс в теорию аргументации (3).

(1) Я поначалу придерживаюсь более узкого смысла когнитивной интерпретации понятия рациональности, которое определено исключительно в отношении к использованию дескриптивного знания. Это понятие можно развивать в двух различных направлениях.

Если мы исходим из некоммунитивного использования пропозиционального знания в целенаправленных действиях, то мы встречаемся с предрасположенностью (*Vorentscheidung*) к такому понятию *когнитивно-инструментальной рациональности*, которое очень четко выразило самосознание (*Selbstverständnis*) модерна помимо эмпиризма. Оно предполагает коннотации успешного самоутверждения, которые сделались возможными посредством информированного распоряжения конкретными условиями окружающего мира и разумного приспособления к ним. Если мы, напротив, исходим из коммуникативного использования пропозиционального знания в речевых действиях, мы встречаем предрасположенность к широкому понятию рациональности, которое связано с более древними представлениями о логосе¹⁶. Это понятие *коммуникативной рациональности* предполагает коннотации, которые в конце концов обращаются к центральному опыту объединяющей вне всякого принуждения и приводящей к согласию силе аргументированной речи, в связи с которой различные участники коммуникации преодолевают свои поначалу только субъективные представления и благодаря

¹⁶ К истории понятия сравни: *Apel K.O.* Die Idee der Sprache in der Tradition des Humanismus von Dante bis Vico. Bonn 1963.

общности разумно мотивированных убеждений одновременно убеждаются в единстве объективного мира и intersubjectивности своих жизненных связей¹⁷.

Предположим, что мнение «р» представляет идентичный объем (Bestand) знания, которым располагают А и В. Предположим, что А принимает участие (как один из многих высказывающихся) в коммуникации и выдвигает утверждение «р», в то время В как (одиночный) актер выбирает средство, которое он на основании мнения «р» считает необходимым в данной ситуации для того, чтобы добиться желаемого эффекта. А и В используют *одно и то же* знание *различным* способом. Отношение к фактам и способность обоснования проявления делают возможным в одном и том же случае понимание между участниками коммуникации о том, что происходит в мире. Для рациональности проявлений является конститутивным, чтобы высказывающийся в отношении высказывания «р» выдвигает критикуемое (*kritisierbaren*) притязание на значимость, которое может учитываться или отвергаться слушателем. В другом случае фактическое отношение и способность обоснования правила действия содействует возможности успешного вмешательства в мире (*Intervention in der Welt*). Для рациональности действия является конститутивным то, что актер кладет в основание своего действия определяемый истинностью «р» план, благодаря которому намеченная цель может быть достигнута при данных обстоятельствах. Утверждение может быть только тогда названо рациональным, если говорящий выполняет условия, которые необходимы для достижения иллюкативной цели понятия чего-либо в мире совместно по меньшей мере с еще одним участником коммуникации; целенаправленное действие может быть названо рациональным только тогда, когда деятельность актера соответствует условиям, которые необходимы для осуществления замысла с успехом осуществить вмешательство в мире (*in die Welt zu intervenieren*). Обе попытки могут закончиться неудачей — желаемое согласие не создается, желаемый эффект не достигается. Но и в слу-

¹⁷ В связи с Витгенштейном *Pole D.* Conditions of Rational Inquiry, London 1961; ders., The Concept of Reason, in: R.F. Dearden, D.H. Hirst, R.S. Peters (Eds.), Reason, Vol. 2. London, 1972. 1 ff. Аспекты, при которых Pole проясняет понятие рациональности, являются прежде всего: объективность, публичность и интерперсональность, истина, единство рассудка, идеал рационального согласия. К понятию рациональности Витгенштейна сравни: St. Cavell, Must we mean we say?, Cambr. 1976; ders., The Claim of Reason. Oxford, 1979.

чае этой неудачи реализуется рациональность проявления — неудача может быть объяснена рационально¹⁸.

С помощью этих двух линий анализ рациональности может обратиться к понятиям пропозиционального знания и объективного мира; но названные случаи отличаются *способом использования* пропозиционального знания. В случае аспекта использования появляется *инструментальное распоряжение*, в другом случае — *коммуникативное понимание* как присущий рациональности телос. Анализ ведет к аспекту, на котором она концентрируется, но в различных направлениях.

Я вкратце поясню обе позиции. Первая позиция, которую я для простоты называю «реалистической», исходит из онтологической предпосылки мира как случайности, чтобы на этой основе выяснить условия рационального поведения (а). Другая позиция, которую мы можем назвать «феноменологической», дает этой постановке вопроса трансцендентальное звучание и отражается в том обстоятельстве, что те, кто действует рационально, сами должны выступать как предпосылка объективного мира (b).

(а) Реалист может ограничиться тем, чтобы проанализировать условия, которые должен соблюсти действующий субъект с тем, чтобы быть в состоянии установить цели и достигать их. Согласно этой модели рациональные действия принципиально имеют характер целенаправленных и направленных на успех воздействий на присущий миру порядок вещей. Макс Бланк называет ряд условий, которым должно соответствовать действие, чтобы его можно было рассматривать как более или менее рациональное (reasonable) и была возможной его критическая оценка (dianoetic appraisal):

¹⁸ Конечно, все же основания играют различные *прагматические роли* в связи с тем, должны ли быть с их помощью объяснены разногласие между партнерами по общению или успех вмешательства. Высказывающийся, который выдвигает утверждение, должен помимо «резерва обоснования» («Deckungsreserve») распоряжаться вескими основаниями, чтобы в случае необходимости убедить своего собеседника в истинности высказывания и оказаться в состоянии достичь рационально мотивированного согласия. Напротив, для успеха отнюдь не необходимо инструментальное действие, чтобы актер мог обосновать также правило действия, которому следуют. В случае телеологических действий основания служат исключительно для объяснения фактов, что применение правила при данных обстоятельствах было или могло бы быть успешным или неудачным. Другими словами: хотя существует внутренняя связь между действенностью (эффективностью) технического или стратегического правила действия и объяснений, для которых их действенность может быть дана, но познание этой связи не является необходимо-субъективным условием для успешного применения этого правила.

1. Только в отношении действий, проходящих под актуальным или потенциальным контролем агента, возможна критическая оценка...
2. Только действия, направленные на некоторую цель (end-in-view), могут быть рациональными или нерациональными...
3. Критическая оценка относится к агенту и к его выбору цели...
4. Рациональные суждения существуют только там, где присутствует частичное знание об адекватности и эффективности средств...
5. Критическая оценка всегда может быть обоснована¹⁹.

Если понятие рациональности становится руководством целенаправленного, то есть решающего проблемы действия²⁰, то становится, впрочем, понятным также и производное от этого словоупотребление выражения «рациональный». Иногда мы говорим о «рациональности» поведения, стимулированного теми или иными побуждениями, «рациональности» изменения состояния системы. Такие реакции могут быть *истолкованы* как решения проблем вне того, чтобы наблюдатель интерполированной (interpolierten) *целесообразности* наблюдаемых реакций представил целевую *деятельность* и связал ее с действием способного на решения, использующего пропозициональное знание субъекта.

Поведенческие реакции возбужденного внутренними или внешними стимулами организма, индуцированные окружающим миром изменения состояний самоуправляемой системы можно, правда, понимать как *квазидействия*, собственно так, как если бы в этом выразилась способность субъекта к действию²¹. Но о рациональности мы говорим здесь только в переносном смысле. Потому что требующаяся для рациональных проявлений способность обоснования означает, что субъект, которому она приписывается, при данных обстоятельствах должен быть в состоянии осуществить обоснование самостоятельно.

(b) Феноменолог безусловно не исходит из руководящего характера целенаправленных действий или действий, решающих проблемы. Он не исходит просто из объективного мира как онтологической предпосылки, а делает его проблемой, спрашивая об условиях, при которых конституируется единство объективного мира для принадлежавших к коммуникативному сообществу. Объективность присваивается

¹⁹ *Planck Max Reasonableness*, in: Dearden, Hirst, Peters (1972).

²⁰ Резюмируя *Stegmüller W. Probleme und Resultate der Wissenschaftstheorie und Analytischen Philosophie*, Berlin., Heidelberg., New York, Bd. 1. 335 ff.

²¹ *Luhmann N. Zweckbegriff und Systemrationalität*, Tbg. 1968.

вает (gewinnt) мир лишь тем, что он *действителен* как один и тот же мир для общности субъектов, способных на использование языка и действие. Абстрактная концепция мира является необходимым условием того, что действующие коммуникативно субъекты приходят к взаимопониманию по поводу того, что происходит в мире или что в нем нужно делать. В этой *коммуникативной практике* они одновременно удостоверяются в общих жизненных связях, в интересующем разделенном *жизненном мире*. Он ограничен совокупностью интерпретаций, которые предпосланы участникам (Angehörigen) как фоновое знание (Hintergrundwissen). Чтобы разъяснить понятие рациональности, феноменолог должен, следовательно, исследовать условия коммуникативно ориентированного консенсуса; он должен анализировать то, что Мелвин Поллнер, ссылаясь на А. Шютца, называет обыденным мышлением («mundane reasoning»): «То, что общность (community) ориентирует себя на мир как на существенно неизменный (constant), как известный и познаваемый совместно с другими, предполагает эту общность как имеющую стабильные (warrantable) основания для постановки вопросов особого рода, которые прототипически представляет следующий вопрос: «Как происходит то, что он видит нечто, а вы нет?»²²»

Согласно этой модели рациональные проявления имеют характер осмысленных, четких и ясных в своем контексте действий, посредством которых актер относится к чему-то в объективном мире. Условия действительности символических проявлений указывают на интересующим разделенное коммуникативной общностью фоновое знание. Для этого фона, связанного с жизненным миром (lebensweltlichen Hintergrund), каждое несогласие (Dissens) представляется как своего рода вызов: «Принятие общего для всех мира (жизненного мира) как дескриптивное утверждение не является функцией мышления обыденно мыслящих людей (mundane reasoners). Это не является фальсифицируемым. Более того, жизненный мир функционирует как некорректируемая (incorrigible) детализация отношений, принципиально данная в совокупном опыте общности тех людей, кто прodelывает опыт, касающийся того же самого мира (объективного мира)... В очень грубом приближении предвосхищенное (anticipated) единообразие опыта (или, по крайней мере, предвосхи-

²² Pollner M. Mundane Reasoning, Phil. Soc. Sci. 4. 1974. 40.

щенное единообразие оценок разных проявлений опыта) предполагает общность других, тех, кто наблюдает тот же самый мир, кто психически способен на приобретение опыта, отражающего действительность, кто имеет основания говорить «истинно» по поводу своего опыта и кто высказывается в соответствии с общепризнанными, бесспорными схемами выражения. В случае разобщенности обыденно мыслящие люди (mundane reasoners) готовы подвергнуть сомнению эти и другие характеристики. Для обыденно мыслящего человека (mundane reasoner) разобщенность не является решающим основанием для веры в то, что то или иное из условий другого мышления создается благодаря предвосхищению единодушия. Например, обыденное решение (mundane solution) может быть результатом рассмотрения того, имел ли или нет другой человек способность к адекватному (veridical) опыту. Следовательно, «галлюцинация», «паранойя», «пристрастность», «слепота», «глухота», «ложное сознание» и т.д. в их общепризнанном понимании указывают на неверные или неадекватные методы наблюдения мира, служат предположительным объяснением разобщенности. Существенной характеристикой этих решений — характеристикой, которая делает их понятными для других обыденно мыслящих людей как корректирующих решения в возможности — является то, что они ставят под вопрос не *интерсубъективность мира*, а адекватность методов, посредством которых мир благодаря опыту познается и отражается²³.

Это более всеохватное, феноменологически развитое понятие коммуникативной рациональности можно дополнить разработанным на основе реалистического подхода понятием когнитивно-инструментальной рациональности. Существуют собственно внутренние отношения между способностью к децентрированному восприятию и к манипуляции вещами и событиями, с одной стороны, и способностью интересующим понимания вещей и событий, с другой стороны. Поэтому Ж. Пиаже избирает комбинированную модель *общественной кооперации*, в силу которой максимальное количество субъектов координируют свои акты воздействия на объективный мир²⁴.

²³ Pollner M. (1974), 47f.

²⁴ Piaget J. Die Entwicklung des Erkennens III, Stuttgart 1973, 190: В общественной кооперации связываются два рода взаимодействия: опосредствованное телеологическим действием «взаимодействие» между субъектом и объектом и опосредствованное коммуникативным действием «взаимодействие между субъектом и другими субъектами». Сравни ниже. S. 104 ff.

Прежде всего — как то характерно для эмпирических традиций исследования, которые пытаются *отделить* использованную в монологическом использовании дескриптивного знания когнитивно-инструментальную рациональность от коммуникативной — выступают контрасты, например, в таких понятиях, как здравомыслие (*Zurechnungsfähigkeit*) и автономия. Только здравомыслящие персоны могут вести себя рационально. Для использования их рациональности в нацеленных на успех вмешательствах достаточно требовать, чтобы они выбирали между альтернативами и могли бы контролировать (некоторые) из условий окружающего мира. Но если использовать рациональность этих здравомыслящих персон для плодотворности процессов понимания, то недостаточно ставить под сомнение такие способности. В контексте коммуникативного действия здравомыслящим может считаться только тот, кто как член общности участвующих в коммуникации может ориентировать свое действие на intersубъективно признанные притязания на значимость. Различным концепциям здравомыслия соответствуют различные понятия об автономии. Более высокая мера когнитивной инструментальной рациональности достигает большую степень независимости от ограничений, которые налагаются условной (*kontingente*) средой самоутверждения целенаправленно действующего субъекта. Более высокая мера коммуникативной рациональности расширяет пространство игры для координации действий, осуществляемых без принуждения, и консенсусного решения конфликтов действия (поскольку они возвращаются к когнитивным диссонансам в более узком смысле) внутри коммуникативного сообщества.

Добавленное в скобках ограничение необходимо, поскольку мы в понятии коммуникативной рациональности развиваем в качестве руководства для констатных проявлений (*konstantive Dusserungen*). И М.Поллнер ограничивает обыденное мышление («*mundane reasoning*») случаями, когда диссонанс возникает в связи с какими-то явлениями в объективном мире²⁵. Но рациональность личностей проявляется, очевидно, не только в способности достичь консенсуса по поводу фактов и способности действовать эффективно.

Перевод А.Б. Рахманова

²⁵ Поллнер выбирает эмпирические примеры из сферы юстиции (1974), 49 и след. стр.

+ Обзоры и рецензии

В.С. БАРУЛИН

ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Объять необъятное не реально. Такая мысль является, когда завершаешь чтение фундаментального труда В.С. Барулина «Основы социально-философской антропологии». Нереально в том смысле, что трудно раскрыть в короткой рецензии все богатство мыслей, сформулированных в книге, которую давно ждали. В.С. Барулин, широко известный специалист в области социальной философии и социальной антропологии. Он автор около 200 публикаций. В том числе 16 монографий. Только в последние годы вышли в свет такие его труды, как «Социальная философия» (М., 1999); «Социально-философская антропология: общее начало» (М., 1994); «Российский человек в XX веке. Потери и обретения себя» (М., 2000). На протяжении 25 лет многие ученые, преподаватели высшей школы были активными, заинтересованными слушателями лекций, спецкурсов профессора МГУ В.С. Барулина, на которых выдвигались и развивались новые философские идеи и концепции. Его научное и педагогическое творчество оказало существенное влияние на развитие социальной философии и социальной антропологии в России, на их преподавание в высшей школе.

В новой книге¹ впервые предпринята попытка комплексного исследования взаимодействия человека и общества на трех уровнях: мир социума, мир повседневности, мир антропологических самоопределений человека и общества. Это позволило выявить много нового в многоцветье рассматриваемого спектра, позволяющего существенно углубить понимание созидающей роли человека в социальном бытии,

¹ Барулин В.С. Основы социально-философской антропологии. М.: ИКЦ «Академкнига», 2002.